

Прот. Николай Ким
(г. Хевиз, Венгрия)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И СВОБОДА. ЗАПАДНОЕ И ПРАВОСЛАВНОЕ ПОНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО КРИЗИСА XXI ВЕКА

Аннотация: В условиях современной цифровизации происходит отход западной цивилизации от своих христианских корней, который вызван фундаментальным повреждением в антропологии западных течений христианства, особенно в понимании свободы человека. И именно о достижении человеком внутренней свободы, подлинной свободы в духе нас учат евангельские заповеди и святоотеческое православное наследие. Отстаивая этот принцип, мы сохраним не только духовное здоровье общества, но и разумные, жизнеспособные основания бытия каждого человека в частности и всего человечества в целом.

Ключевые слова: антропология, христология, сотериология, еkkлесиология, цифровизация, свобода, модусы существования личности, физический, социальный, психологический.

Антропология, христология, сотериология, еkkлесиология — четыре направления единого потока христианского мышления. Только в их единстве и взаимозависимости можно и должно говорить о человеке. Принципиальная позиция православного богословия — основа антропологии в христологии. Решение вопросов бытия человека возможно через возведение проблем к антиномиям, а в перепеде к высшей

антиномии христологии — Бог и Человек. «Осмысление противоречия существования и сущности человека, отражение его как исторического, социального существа, творения и творца культуры составляет основное антропологическое содержание религий... Внешнее и внутреннее, разум и мозг, субъективное и объективное, идеализм и материализм, интроспекция и позитивизм, герменевтика и эмпирика — этот ряд оппозиций можно продолжать без конца» (Спектр... 2008. С. 73, 78).

Есть несколько понятий, ключевых для рассуждений о человеке — вера, любовь, свобода, разум. Эти термины, как фундаментальные, имеют огромное число оттенков смысла и, соответственно, разночтений. Свобода также одно из основных понятий современного общественного дискурса, термин, которому апеллируют все без исключения политики, мыслители, публицисты самого разного толка. Он настолько затаскан, что его употребление стало необходимым умением словесной эквилибристики любого оратора. Тем не менее, это важнейшее понятие, без которого невозможен разговор о человеке и его месте в мире и бытии. Можно без преувеличения сказать, что в духовном пространстве именно «свобода» является тем полем, где сейчас проходит линия фронта, идет самая ожесточенная борьба.

С удивлением нами наблюдаемый отход западной цивилизации от своих христианских корней на самом деле вполне логичен, он вызван фундаментальным повреждением в антропологии западных течений христианства, особенно в понимании свободы человека. Не найдя в догматике западного христианства обоснования свободы личности, а именно это понятие стало молотом разрушения, с которым политики всех мастей в течение последних двух столетий разрушали устои так называемого старого мира, западное массовое сознание стало отворачиваться от христианства как такового.

Посмотрим на концепцию свободы в западном мировоззрении, наиболее ясно выраженном в протестантском богословии. «Центральные проблемы Реформации возникают в области процесса спасения. Все они сводятся к одному

вопросу: как следует понимать отношения Господа и человека?» (Лортц. 2000. С. 20). С главным упованием христиан о спасении напрямую связан вопрос: сохранил ли человек после грехопадения свою свободную волю, т. е. образ Божий? Нет — отвечает Лютер, — он потерял его с грехопадением. «Падение, учит лютеранство, привело к глубочайшему извращению всей природы человека, к полному уничтожению всех сил души: ум человека стал слепым в познании Бога и им сотворенного мира, сердце стало злым и развращенным, ненавидящим добро и избегающим Бога, утратила свободу и воля, впадшая в рабство греху» (Зноско-Боровский. 1991. С. 62). То есть взгляд протестантизма на человека пессимистический, человек пассивно принимает спасение свое Богом. И получается логически неразрывная связь учения о спасении только верой с детерминизмом Лютера. «Сам Лютер долго испытывал безрезультатность и невозможность заслужить спасение посредством собственных деяний, которые ему всегда казались неадекватными, и проблема вечного спасения непрерывно причиняла ему беспокойство и мучения. И решение, утверждающее, что для спасения достаточно только веры, принесло ему радикальное избавление от тревог» (Реале. 1995. С. 295). Как покажет история, через несколько веков это положение привело к моральному кризису западной цивилизации, потому что «благодаря этому тезису об оправдании только через веру нравственность в деле спасения души оказывается чем-то второстепенным» (Лортц. 2000. С. 97).

Посмотрим, насколько иначе говорит о свободе и спасении православное вероучение. Возьмем важный в догматическом отношении документ — Окружное послание Восточных Патриархов 1723 года. «Верующий спасается верою и делами своими, и вместе с тем представляет Бога единственным виновником нашего спасения, поелику, то есть, Он предварительно подает просвещающую благодать, которая доставляет человеку познание Божественные истины и учит его сообразоваться с нею, (если он ей не противится) и делать добро, угодное Богу, дабы получить спасение, не уничтожая

свободной воли человека, но предоставляя ей повиноваться или не повиноваться ее действию» (Догматические послания. 1990. С. 150).

Эти разные богословские формулировки, касающиеся свободной воли человека, привели западную и восточную ветви христианства к разным мировоззренческим, цивилизационным выборам. Реформация, перехватившая несколько столетий назад у католичества лидерство в формировании общественного мнения, в конечном итоге ответственна за нравственный тупик, в котором сегодня оказался западный мир. «Реформация — это величайшая катастрофа, которая постигла Церковь за всю ее историю вплоть до наших дней. Реформация благодаря своему мировому влиянию стала сердцевинкой новейшей истории западного мира, более того, она прямо или косвенно воздействовала на весь современный мир» (Лортц. 2000. С. 56).

Поэтому стоит критически рассмотреть общепринятое понимание термина «свобода», этого фундамента любой современной идеологии. Зачастую свободу называют средством достижения личностью неких благих целей. Это спорное высказывание, ведь если свобода одно из свойств образа Божия в человеке, то свобода это уже не средство, а один из основных смыслов личности. Она относится к высшим категориям бытия, разумеется, не просто бытия, а бытия личностного.

Первый вопрос: к кому или к чему применимо понятие свободы? Свободен ли физический объект? Летящий камень или планета? Очевидно что нет. Свобода применима лишь к тому, кто или что способно самостоятельно изменять свой путь, выбор, принимать решения. Очевидна несвобода робота, который действует по заложенной программе, или животного, которое живет по врожденным инстинктам. То есть свободна может быть лишь личность, обладающая возможностью принимать собственные, не обусловленные ничем решения.

Далее, мы можем рассматривать как минимум три уровня понимания свободы. Три модуса существования личности:

физический, социальный, психологический. Можно доказать, что степень свободы повышается по этим модусам. Физический — несвобода, социальный — относительная свобода, психологический — максимально возможная свобода в условиях человеческого существования. Рассмотрим каждый модус отдельно.

Физический уровень. Мы ограничены пространственными и временными рамками. Присутствие и действие только в этом месте и только в этот момент времени уже есть само по себе тотальное ограничение свободы. Особенно это касается времени, которое несет нас как неукротимый поезд из которого не выбраться. Уходят в прошлое дни и годы, мы не можем к ним вернуться. То же и о будущем, которого мы даже не знаем. Время приносит смерть и забвение. От времени не избавиться, это Молох, по представлениям древних философов. Поэтому самый простой вывод заключается в том, что настоящая свобода, даже в примитивном понимании, не может быть в условиях пребывания во времени. Подлинная свобода вне времени, то есть в вечности.

То же самое, но еще более наглядно можно сказать и про пространство. Ограничение размерами своего тела, либо ограничение сферы действий координатами нахождения плюс-минус несколько метров или километров. Это есть та же самая тюрьма, но чуть более комфортная, суть же тюрьмы остается. Подлинная свобода мыслится безграничной по пространству.

В отношении любых ограничений, как и в отношении тюрьмы, у личности, то есть сущности, обладающей стремлением к свободе, возникает противодействие. Успешно оно или нет, это другой вопрос. Факт тот, что противодействие есть, и уже само его наличие свидетельствует о стремлении к свободе. Стремиться к свободе может только сущность, способная понять ее, желать ее. То есть личность. Это плюс, но на этом все и ограничивается. Потому что реализация этого стремления к свободе, или освобождению, приводит, чаще всего к использованию симулякров, подмен подлинной свободы.

Так, попытки разорвать ограничения по времени приводят к фиксации и путешествиям по прошлому (воспоминания) или будущему (фантазии). С развитием так называемого прогресса, эти симулякры лишь получают большую достоверность и сохранность, это путь псевдоразвития, с последовательными этапами: устный фольклор, книги, картины, фото, кино, виртуальная реальность.

Симулякр свободы по пространству это средства передвижения. Отсюда иррациональная тяга в прошлом к коням и колесницам, сейчас к автомобилям. То есть два «ки-та» современного массового, потребительского, рекламного сознания — кино и автомобили — имеют под собой фундамент в виде природного свойства личности в ее стремлении к свободе, но по факту, они лишь предлагают подмену, а не реальное решение проблемы, то есть являются симулякром преодоления этих двух физических ограничений по времени и пространству.

Далее, **социальный** модус. Начинается с ячейки социума — семьи. Здесь сразу задаются определенные рамки, то есть ограничения свободы. Первое, даже еще до социальных и психологических отношений и взаимных уступок, это ограничение биологическое, задаваемое половыми различиями и следующими из них гендерными ролями. Как следствие, современные попытки ввести гендерное разнообразие и вариативность сексуальных ориентаций тоже можно рассматривать как псевдо-порывы к свободе в этой области, те же симулякры.

Следующий уровень социализации — это государство и общества. Многие мыслители совершенно верно замечают, что развитие любого социума это путь нарастания ограничений свободы индивидуума в пользу социума. Это логично, так как каждая сущность во взаимодействии с другой сущностью стремится отвоевать себе больше плюсов. Социум как сущность более сильная, чем индивидуум, неизбежно побеждает, то есть ограничивает его свободу. «Социальная история — это история ограничений, а не свободы... Каждая цивилизация, достигшая зрелости, увеличивала паутину

запретов» (Кукаркин. 1977. С. 316). Примечательно, как на наших глазах прошел этот процесс на примере появления и развития интернета. Будучи сначала пространством и символом свободы, довольно быстро интернет оброс ограничениями и стал превращаться в средство контроля за индивидуумом, инструментом его еще большего порабощения. То есть мы видим очевидное сокращение свободы в социуме с течением времени. Однако сам по себе факт сокращения говорит о том, что определенная степень свободы в социуме все же существует. Ибо нельзя сокращать то, чего нет.

С уровнем свободы индивидуума в социуме связаны понятия власть и деньги. Однако здесь тоже нельзя впадать в примитивное, линейное понимание. Наоборот осмысление их влияния может нам дать хороший пример необходимости нелинейного подхода к философским вопросам. В чем суть? Примитивное понимание: чем больше денег, тем больше свободы. Однако, даже на бытовом уровне видно, что это не так. Если построить упрощенный график зависимости уровня свободы человека от уровня его дохода, то мы получим не прямую линию, а колокол. Тому есть подтверждение в многочисленных социологических исследованиях. Сначала с ростом дохода уровень свободы естественно повышается. Но за неким значением корреляция меняется на противоположную. Более богатый человек обрастает массой обязательств, страхов и проблем, которые решительно лишают его завоеванной свободы. То же самое можно сказать и о власти. На вершине власти человек повязан массой условностей и обязанностей.

Итак, социальный модус человеческого бытия можно рассматривать как область относительной свободы. Причем ее уровень уменьшается с развитием социума, в который включен индивид, а также свобода зависит от социальных свойств индивида, его места во властной иерархии и материального состояния, но эта зависимость не линейна.

И наконец, третий модус бытия — **психологический**. Внутренний мир человека, где он максимально свободен, насколько это возможно в условиях существования во вре-

мени и пространстве. Но именно об этом и говорит вся православная аскетика, о достижении человеком подлинной свободы — свободы в духе. Конечно, полной свободы нет. Нет даже половинчатой свободы. Но все же мы не полностью детерминированы. Всегда остается просвет, который и есть путь к свободе. Мы жестко заключены в рамках физических, своем теле. Чуть более расплывчаты, не столь жесткие, рамки социальные, рамки своей культуры, знаний, традиций и прочее. А вот духовные рамки нас не ограничивают. Тело жестко ограничено, дух свободен.

После краткого разговора о сложности и глубине понятия свобода, вернемся к тем широким последствиям, которые вызвало ошибочное понимание свободы в протестантской сотериологии и, как следствие, во всем западном мировоззрении. Прослеживаются довольно ясно этапы эволюции европейской мысли от реформации к просвещению, затем через прогрессизм прошлого века к современному трансгуманизму. «Односторонняя, в сущности, очень наивная и, на первый взгляд, прочно утвердившаяся переоценка значения разума и знания находит свое высшее выражение в “религии” разума времен Французской революции. Под ее воздействием христианская вера в наступление “будущего века” постепенно трансформируется в нехристианскую, секуляризованную, иначе говоря, посястороннюю веру в прогресс» (Лортц. 2000. С. 192).

Именно слепая, а по факту, языческая вера в науку и является двигателем всех современных заблуждений и даже психологических проблем человечества. Столетиями используемый довод «научности» в устах философов и мыслителей, не выдерживает никакой критики. Большая проблема современной философии в том, что последней попыткой системно и философски осмыслить естественнонаучные данные был хорошо нам известный диамат. В диамате все логично и ясно, но у него есть один недостаток. Его научная база это наука XIX века, классическая ньютоновская физика. В начале XX века, как известно, произошли революции не только социальные, но и научные. Для философии

и мировоззренческих вопросов особенно важна физика. Но именно в физике произошла даже не революция, а полный пересмотр основ этой науки и проблема в том, что до сих пор философски не осмыслены эти кардинальные перемены. Какие новые научные подходы XX века необходимо учесть? Например: возможность бытия мироздания не в привычных нам трех измерениях пространства, а в четырех и более, теория Большого взрыва, гипотезы происхождения Вселенной, парадоксы микромира, когда основы материи становятся нематериальными, а чем меньше размер исследуемых явлений, тем больше скрытой энергии в них обнаруживается. Все это философски до сих пор не осмыслено. И что удивительно, эти фундаментальные научные открытия современной физики гораздо лучше согласуются с Библией, чем с диалектикой. Якобы имеющееся противоречие между верой и наукой совершенно надуманное, потому что христианство, по сути, это освобождение мысли, не скованной узкими рамками атеизма, принятие полноты и гармонии мира, реальности иных форм бытия. А настоящая интеллектуальная тюрьма, коей является любая догматизированная система мысли, как ни странно, это не православное умозрение, а атеистический материализм с его намеренным ограничением подходов к явлениям исключительно материальными рамками.

Итак, рефлексия, осмысление научных открытий XX века было интеллектуальным вызовом философам, который так и не получил достойного ответа. Но это идейная неудача прошлого века. В нынешнем веке к ней добавилась задача осмысления новой среды, в которой, как оказалось, живет человечество, информационной.

Есть ли философское осмысление, теория информации? Ее нет, хотя мы живем, как все говорят, в мире информации. Есть теории ее переработки, передачи, но нет осмысления ее сути. В век информации мы так и не сформулировали, что же она есть по существу. Она вообще материальна или нет? Более важный вопрос: в чем разница информации и смысла, который она несет? Любое слово это информация, кодировка смысла. Речь — передача смысла. Но где он появляется, сам

смысл? Смысл, который содержится в осмысленной информации. Смыслы рождает человек. И в этом проявляется его творчество. Дальше идет обработка и передача смыслов, информационные процессы, которые хорошо изучены. Но сам источник этого информационного потока, «генератор смыслов» не изучен. Где и как рождается смысл? Затертое изречение Декарта «я мыслю, следовательно, я существую» — это далеко не банальность. Смыслы рождает личность, творец с маленькой буквы, образ Творца с большой буквы. Творчество даже по семантике этого слова, есть образ Творца, образ Божий.

Приблизиться к пониманию глубинной сути происходящей цифровизации бытия человека поможет обращение к математике, точнее, к теории чисел. Философское и даже богословское понимание природы чисел, сейчас необходимо. Из старших классов школы мы знаем, что есть ряд числовых множеств: натуральные числа, рациональные, иррациональные. Натуральные, те что считаем по пальцам. Рациональные, то же самое, но делимое друг на друга. Принципиальный скачок есть между рациональным и иррациональным числом. Все множества чисел бесконечны, но множество иррациональных это бесконечность в бесконечности. Нам надо учитывать, что вся цифровизация это рациональные числа, а любая реальная величина, существующая вещь, точно передается только иррациональным числом. Любая компьютерная система построена на двоичных, натуральных числах. Но реальные объекты точно описываются только иррациональными числами. Отсюда важный вывод: цифровизация принципиально не может отразить реальность, она всегда лишь приближение, то есть муляж. Иначе говоря, «виртуальность — недоактуализованность» (Спектр... 2008. С. 22).

Цифровое фото передает несколько миллионов цветowych оттенков, но никогда не передаст весь бесконечный спектр. То же и звук, аналоговый, то есть реальный, всегда будет недоступен точной передаче цифровым звуком. Любой существующий в реальном мире отрезок имеет иррациональную величину. Это известно всем инженерам и, тем

более, математикам. Но мало кто делает из этого факта философские выводы. А лежащий на поверхности вывод заключается в том, что цифровизация принципиально не равна реальности. Как бы точно она ни стремилась ее отразить, точного совпадения никогда не будет. «Действительно, информационно-компьютерное “мышление” не аналоговое. Не словесное. Оно — цифровое. От LOGOSa к MATHESISy — фундамент и суть информационной революции, самая глубокая тайна, “последний секрет” постмодернизма... Борьба с Логосом нужна для утверждения Цифры, Топоса, дигитализации существующей и создания новых виртуальных и вообще постчеловеческих реальностей... Сохранение Логоса — последний рубеж обороны человека от превращения в нечто иное. Его можно удержать при условии сохранения естественной среды обитания людей в целом, их вещно-событийного мира» (Спектр... 2008. С. 119–123).

Второй вывод из внимательного рассмотрения природы чисел касается понимания свободы. «Бесконечность и свобода» — по смыслу эти понятия близки. То есть свобода в математическом выражении тяготеет к бесконечности. Бесконечность рационального числа, природа которого есть натуральное исчисление имеет бесконечное направление вовне, бесконечность расширения, экстенсивное развитие. Соответственно, бесконечность или свобода цифрового мира лежит снаружи. Все иначе в мире иррациональных, то есть, реальных величин. Здесь бесконечность не только вовне, но и в любой точке. Можно бесконечно записывать число π , но не хватит Вселенной, чтобы записать его точное значение. То есть имеем два подхода, два направления: цифровизация, основанная на рациональных числах, природа которых натуральное число, бесконечность в расширении, и реальные величины, природа которых иррациональные числа, бесконечны в каждой точке, бесконечность бесконечностей. Или, если в иных терминах, свобода вовне и свобода внутри. Если философски и богословски развить это наблюдение, то можно вспомнить духовное сокровище православной мысли — положения свт. Григория Богослова, развитые учеником Си-

меона Нового Богослова преп. Никитой Стифатом о том, что человек этой великий мир по отношению ко вселенной — малому миру. Не малый в великом, а великий в малом — человек в мире (Ким. 2003. С. 30). Бесконечность в каждой точке, бесконечность внутри. Читая это положение в нравственных категориях — настоящая свобода внутри. «Путеводной звездой становится Бог внутри, а не Бог снаружи» (Спектр... 2008. С. 80).

В наше время, когда цифровизация охватывает все сферы жизни человека, важно указать на проявление этих тенденций в характере общественного устройства. Выскажем мнение об антиномии двух наборов понятий: «число, цифровизация, бюрократия», с одной стороны и: «слово, реальность, иерархия», с другой. Иначе говоря, в социальном плане имеем антиномию двух типов организации обществ: бюрократия — власть буквы, в противоположность иерархии — власти духа. Церковь изначально построена на принципе иерархии. Это следует из ее природы, Церковь это явление не только современное, но и вневременное, во многом природа Церкви лежит вне этого мира, она трансцендентна. Люди путают Церковь и организацию верующих. Организацию надо называть своим именем, а Церковь это сущность иного порядка, открывающая человеку свободу от оков телесного мира. Иными словами, бюрократия — служение правилам, иерархия — служение Личности.

Однако ныне торжествующая, не без помощи цифровизации, бюрократия, осознает, что сами по себе правила, регламент, не могут быть твердым фундаментом, и она ищет нравственные основания своего существования, изобретая систему «ценностей». Но в то же время, она не может взять общепризнанные традиционные ценности, потому что в таком случае, станет очевидно дублирование, ибо эти ценности много веков успешно хранит и отстаивает Церковь. Поэтому искусственно создается система принципиально иных ценностей, что изначально делает само их существование актом противодействия Церкви, богоборчеством в прямом смысле этого слова. То есть принципиально лживо, ибо направлено

против Истины, не только содержание нового свода ценностей, но и сам факт его создания.

Многokrатно от действующих лиц современной международной политики мы слышали, что превыше всего защита ценностей. Это красивая ложь и самообман. Если государство будет защищать в первую очередь некие общие ценности, а не своих граждан, то в один прекрасный момент эти два направления политики придут в противоречие. Жизнь показала, что этот момент наступает раньше, чем мы ожидаем. Государство — общественный организм. Именно организм, а не выдуманная химера. И живет оно по своим естественным законам. Первый закон, земная суть и смысл любого государства — защита интересов своих граждан. Поэтому мы можем утверждать, что современный мировоззренческий кризис это не просто следствие ошибок в политике, это попытка изменить саму природу государства. Мы знаем из собственного опыта, что происходит, когда государство берет на себя не свойственные ему функции, когда идеология доминирует над естественными государственными интересами. Каждый должен заниматься своим делом: строитель — строить, учитель — учить, воин — воевать. Государство должно заботиться о своих гражданах, а не заниматься идеологией. Духовные вопросы и нравственные ценности — это прерогатива Церкви. Современное государство отвернулось от Бога, его номенклатура пытается взять на себя функции Церкви в общественной жизни. Навязывание новой системы ценностей населению имеет почти религиозный характер. По сути, это бунт против Бога, и его крах неминуем.

Подобные рассуждения могут показаться отвлеченными, но они побуждают к осмысленной критике современного западного мировоззрения, имеющего своей практической основой успехи цифровизации. Причем эта критика выражается на языке того же научно-технического подхода. Рассмотрев всесторонне наполнение термина «свобода», снимая всю политическую шелуху, мы видим, что свободу нужно рассматривать на разных уровнях человеческого бытия — физическом, социальном, психологическом. И легко показать,

что хотя абсолютная свобода недостижима в земной жизни человека, тем не менее, в максимальном объеме она реализуется на психическом, то есть внутреннем уровне. А западный мейнстрим говорит в основном о свободе примитивной, внешней, что согласуется с примитивной природой цифровизации. Но именно о достижении человеком внутренней свободы — подлинной свободы в духе нас учат евангельские заповеди и святоотеческое православное наследие. Отстаивая этот принцип, мы сохраним не только духовное здоровье общества, но и разумные, жизнеспособные основания бытия каждого человека в частности и всего человечества в целом.

Литература

Догматические послания православных иерархов о православной вере. М.: Свято-Троиц. Сергиева Лавра, 1995.

Зноско-Боровский Митрофан прот. Православие, римо-католичество, протестантизм и сектантство. М.: Свято-Троиц. Сергиева лавра, 1991.

Ким Николай свящ. Рай и человек. Наследие преподобного Никиты Стифата. СПб.: Алетейя, 2003.

Кукаркин А. В. По ту сторону расцвета. Буржуазное общество: культура и идеология. М.: Политиздат, 1977.

Лортец Йозеф. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Т. 2. Новое время. М.: Христианская Россия, 2000.

Спектр антропологических учений. Вып. 2. / Отв. ред. П. С. Гуревич. М.: Институт философии РАН, 2008.

Реале Джованни, Антисери Дарио. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 2. Средневековье. СПб.: Петрополис, 1995.